

УДК 130.123.1:364.274

ЯВЛЕНИЕ И ФЕНОМЕН ОДИНОЧЕСТВА В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ: ПЕРСПЕКТИВА ПРОБЛЕМНО-СИМВОЛИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Башмакова Е.В., к. психол. н.,
доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Одесский торгово-экономический институт
Киевского национального торгово-экономического университета

В статье осуществлено различение одиночества как явления жизни и феномена бытия, эмпирического понятия и философской категории. Приведены аргументы для рассмотрения одиночества как подлинной проблемы человека. Представлен проблемно-символический подход как методология для понимания и исследования одиночества как проблемы.

Ключевые слова: одиночество, проблема, подлинная проблема, онтология, проблемно-символический подход.

У статті здійснено розрізнення самотності як явища життя й феномена буття, емпіричного поняття та філософської категорії. Наведено аргументи для розгляду самотності як достотної проблеми людини. Представлено проблемно-символічний підхід як методологію для розуміння й дослідження самотності як проблеми.

Ключові слова: самотність, проблема, достотна проблема, онтологія, проблемно-символічний підхід.

Bashmakova O.V. EVENT AND PHENOMENON OF SOLITUDE AT HUMAN SCIENCES:
THE PROSPECTS OF PROBLEM-SYMBOLIC APPROACH

The distinction between Solitude like a life event and existential phenomenon, empirical concept and philosophical category is accomplished in the article. Problem-Symbolic approach is presented like a form of implementation of the Understanding Thinking, synthesis of various discursive practices and cooperation of various epistemological strategies, that are adequate for understanding and research of the problem of Solitude as the real problem of a Person and Humanity.

Key words: solitude, problem, genuine problem, ontology, Problem-Symbolic approach.

Постановка проблемы. Тема одиночества всегда волновала человечество, занимая умы философов, мыслителей, ученых, писателей и простых людей. В целом концепт «одиночество» закреплен в культуре как характеристика индивидуального состояния человека в различные периоды его жизни и как символ специфического положения человека в мире вообще.

Однако эпохи кризиса (общественного, морального и метафизического) предъявляют повышенные требования к индивиду, обществу и культуре в целом. Многие вопросы, уже нашедшие свое место в индивидуальном, общественном и научном сознании как относительно определенные по форме и содержанию, в меняющихся обстоятельствах обнаруживают себя как не имеющие однозначного ответа, описываемые противоречиво, требующие привлечения не существовавших ранее инструментов анализа и решения, вплоть до создания иной методологии и выработки нового способа мышления. Так явление обретает статус проблемы, и Николай Бердяев говорит о «глубоком духовном одиночестве современного человека» и называет его основной проблемой личности и философии человеческого существования [1, с. 267, 273].

Таким образом, необходимо различение одиночества как явления жизни и феномена бытия, эмпирического понятия и философской категории, а также концептуализация его как подлинной проблемы человека и человечества, что определяет актуальность исследования, заведомо не претендующего на полноту и завершенность.

Степень разработанности проблемы. Проблемное поле, в рамках которого рассматривается тема одиночества, очень широко. Различные аспекты одиночества становятся предметом таких отраслей научного и философского знания, как психология, психиатрия, социология, философская антропология, социальная философия, этика. Тем не менее, такое многостороннее знание об одиночестве ограничивается констатирующе-описательным уровнем, и каждая дисциплина исследует «свое» одиночество, редуцируя его к явлениям биологического, психологического, социального или культурного порядка [4, с. 37].

Различные философские течения и психологические школы рассматривают одиночество то как единственно возможную основу человеческого бытия (Н. Бердяев, Ж.П. Сартр, Х. Ортега-и-Гассет, Э. Леви-

нас, Б. Миюскович и др.), то как социальную проблему, следствие развития современных общественных сил (М. Вебер, М. Бубер, К. Ясперс, Э. Фромм), то как противоестественное для человека состояние, патологию и проявление слабой приспособляемости личности (Л.Э. Пепло, Д.Д. Валлерштейн, М. Кларк, З. Рубин, Р.С. Вейс и др.). Отсюда и невозможность «договориться о терминах», и такое множество определений одиночества, и кажущаяся противоречивость самого явления [5].

Но скорее это проблема несогласованности теоретического и эмпирического знания об одиночестве, что проявляется в противоречии между, с одной стороны, пониманием одиночества как объективного и онтологически неустранимого модуса существования, а с другой – трактовкой его как психологической проблемы частного существования, возникающей или обостряющейся в конкретном социальном контексте и требующей преодоления.

Связь между очевидно различными подходами к одному предмету, по нашему мнению, может быть понята не как противопоставление, а как диалектическое единство, выражаемое через соотношение понятий «явление» и «феномен». С другой стороны, интеграция этих взглядов возможна при рассмотрении одиночества как проблемы и определении методологической позиции, открывающей возможность ее анализа и понимания, что и определило цель статьи.

Изложение основного материала.

Следуя традиции феноменологической онтологии М. Хайдеггера, мы различаем понятия «феномен», «явление» и «видимость» («кажимость»), трактуя явление как способ обнаружения феномена, форму, в которой феномен явлен человеку. Феномен (в том числе феномен одиночества) – результат субъективного осмысления реальности, который, аккумулируя субъективные представления и смыслы, является вместе с тем конституирующей основой объективного человеческого существования, способом данного существования. Явления очевидны наблюдателю, эмпирически опознаваемы, феномены же постигаются посредством рефлексии его многообразных «срезов» (явлений), выявления их детерминант и детерминант их специфического восприятия и оценки [10, с. 28–31].

М. Хайдеггер определяет явление как нечто, дающее знать о чем-то другом. Так, одиночество как явление дает знать об отчуждении Другого, покинутости, внешнем конфликте с миром, но при этом не раскрывает сущности феномена одиночества, упускает ряд его существенных признаков.

В свою очередь, видимость – это нечто, принимаемое не за то, что есть на самом деле, и которое не есть то, за что себя выдает [10, с. 30–31]. Явление и видимость имеют своим основанием феномен, являются его знаками, но не исчерпывают и не объясняют его. Явления всегда очевидны наблюдателю, поскольку, по утверждению М. Хайдеггера, они есть «предметы эмпирического разглядывания» [10, с. 28]. Таким «разглядыванием видимого» занимаются многие прикладные науки (психология в первую очередь), различая одиночество, изоляцию и уединение и полагая, что одиночество имеет некий специфический внутренний контекст [6].

В целом одиночество как явление сводится к следующему: индивид не может найти необходимый ему эмоциональный отклик в процессе общения и, как следствие, испытывает одиночество.

Ситуативно одиночество понимается как продукт содержания структуры «человек-мир», как количественная и качественная характеристики контактов, в данной связи рассматривается как часть душевного опыта и переживается как чувство. Для субъекта оно обнаруживает себя на двух уровнях восприятия: 1) на уровне чувств как переживание, 2) на уровне рефлексии как данность сознанию представления о своей отдельности, уникальности и единственности [9]. Соотношение этих уровней дает несколько возможных комбинаций: 1) первично одиночество только переживается, но не осознается; 2) одиночество и переживается, и осознается; 3) одиночество не переживается, но может выступать предметом рефлексии.

На первом уровне одиночество – переживание, комплексное и острое чувство, не осознаваемое субъектом и не являющееся предметом его рефлексии. Очевидно, что этот уровень обнаружения, явления одиночества разворачивается в предметно-чувственном мире, принадлежит сущему, онтическому порядку и, соответственно, осуществляется онтическим субъектом в регистре онтического же мышления [10, с. 15–19]. Такое явление находится в предметном поле эмпирической психологии. Второй уровень – переживания и осознание одиночества – может быть соотнесен с онтико-онтологическим регистром бытия, доступен вопрошающему субъекту и интересен теоретической психологии с ее научным аппаратом и университетским дискурсом. Одиночество как предмет рефлексии находится за пределами эмпирического понимания одиночества как переживания в психологическом

смысле. Это требует перехода на онтологический уровень бытия [10, с. 316–323], разработки концепции бытийного понимания одиночества и соответствующего способа мышления, даже не теоретического, а философского. Именно на данном уровне одиночество может быть познано как феномен.

На онтическом уровне сознания циркулируют обыденные представления об одиночестве и «самоочевидные» выводы о нем. Именно такое истолкование становится основой самовосприятия индивида, конструирования моделей его взаимодействия с миром, социумом. Среди стереотипов обыденных представлений об одиночестве [4, с. 71] существуют следующие: 1) отождествление понятий «одиночество», «одинокый образ жизни» и «уединение»; 2) однозначно негативная оценка одиночества как несчастья, наказания, патологии, устранение которых желательно и возможно; 3) интенсификация контактов как способ преодоления одиночества; ситуативный, случайный характер одиночества.

В большинстве работ на тему одиночества сама проблема формулируется узко, в рамках частнопредметных задач и методик. Соответствующие цели эмпирических исследований – установление степени явления одиночества в индивидуальном существовании и социальной реальности, обозначение его причин, поиск ситуативных и личностных коррелятов одиночества и путей его преодоления.

Теоретическое «видение», соотносимое с вопрошанием на онтико-онтологическом уровне, предопределяется оптикой, через которую происходит вглядывание в одиночество, то есть концепцией личности, психики или общества, избранной исследователем.

Психоаналитический подход к пониманию одиночества подчеркивает влияние внутриличностных факторов и видит его истоки в личной истории индивида (фактической и субъективной). В классическом психоанализе одиночество рассматривается как патологическое явление, следствие разочарования, нарушения адаптации и причина избрания невроза как стратегии компенсации своего «пристрастия» к одиночеству. В современной психоаналитической теории одиночество рассматривается как следствие рассогласованности психодинамических процессов – идентификации и обособления [8, с. 94].

Одиночество рассматривается как нормативная характеристика, побочное следствие происходящих в обществе социальных изменений (социологическое

направление); конструкт сознания, результат осознания индивидом несоответствия между желаемым и достигнутым уровнями собственных социальных контактов (когнитивный подход); результат комбинированного воздействия личностного и ситуативного факторов, нормальная реакция индивида на дефицит социальных взаимодействий, удовлетворяющих основным социальным запросам личности (интеракционистский подход). В других подходах к одиночеству как явлению оно рассматривается как знак человеческой «самости», сообщающий человеку, кто он в этой жизни (феноменологический); результат неудовлетворения базовой потребности индивида в доверительных, душевных отношениях с другими людьми вследствие поверхностности межличностных контактов (приватный); механизм обратной реакции, сигнал неблагополучия функционирования системы «индивид-группа» (общесистемный подход) [7, с. 49–56].

Итак, при рассмотрении проявлений (видимости) одиночества очевидно, что это состояние возникает тогда, когда отсутствуют контакты с окружающим миром и другим человеком или когда они по той или иной причине оказываются проблематичными. Так тема взаимоотношений человека с человеком становится ключевой проблемой одиночества, вокруг которой разворачивается поиск, размышления и интерпретации исследователей, внутри которой ищут и причины этого состояния, и выходы из него.

В силу практически однозначной оценки одиночества как явления негативно-го, являющегося и фактором деструкции (в отношении и психики, и социального порядка), и её признаком, сама проблематизация одиночества разворачивается в пространстве рекомендаций по его преодолению. И большая часть эмпирических и даже теоретических подходов к исследованию одиночества как проблемы частного существования, возникающей или обостряющейся в конкретном социальном контексте, ориентирована в перспективе на обнаружение эффективных способов его преодоления или, как минимум, компенсации или облегчения его наиболее болезненных проявлений.

Определенный шаг в понимании одиночества как явления и приближении к познанию его как феномена делают гуманистическая и экзистенциальная психология.

В гуманистическом подходе одиночество понимается как необходимый этап внутреннего переосмысления, самопознания и/или общего принципа человеческо-

го бытия, потребность в одиночестве рассматривается как нормальная, абсолютно необходимая человеку, стремящемуся к самопознанию, самосовершенствованию и самоактуализации [8, с. 110].

Согласно экзистенциальной модели, основанной на философии экзистенциализма, все люди изначально и конечно одиноки. Одиночество – «самосознательное осознание» собственной изоляции, имманентное человеческой психике, поэтому преодолеть его невозможно. «Суета одиночества» и одиночество истинное, экзистенциальное различаются и противопоставляются. Беспокойство по поводу одиночества, соотносимое с онтическим уровнем существования, рассматривается как защитная реакция личности – бегство от главных вопросов человеческого бытия и принятия ответственных «бытийных» решений, что выглядит как стремление к установлению новых контактов, попытка проводить больше времени в якобы плодотворном общении с другими людьми. Истинное одиночество порождается преимущественно опытом столкновения с пограничными экзистенциальными ситуациями, которые человек вынужден переживать и осмысливать в одиночку [3, с. 103–119]; экзистенциальные переживания могут вывести человека на самого себя и раскрыть ему истину: подлинное бытие есть изначально и принципиально одинокое, а все общественные формы существования – не более чем вторичные наложения. Так, вне углубленного опыта истинного одиночества невозможно обрести истинное самосознание.

В экзистенциальной онтологии М. Хайдеггера феномен, в отличие от видимости и явления, есть то, что есть «себя-в-себе-самом-показывающее» [10, с. 28–32]. Тогда феномен имеет «раскрывающее» значение по отношению к сути, к самому бытию, и для человека не существует другого способа понимания и познания бытия, кроме как посредством феноменов.

Феномен нуждается для своего выявления в сложных операциях мышления, т. е. в опосредовании. И философии, изучающей невидимое (феномены), представленное в видимом – поступках, вещах, языке, традициях (явлениях), удастся преодолеть противоречие между теоретическим и эмпирическим способами мышления. Диалектика объективного (всеобщего) и субъективного (форм частного переживания, степени и способа явленности), характеризующая феномен одиночества, с необходимостью ставит вопрос о выявлении данной универсальной сущности одиночества, проецируемой на все частные случаи.

Тема одиночества не принадлежит исключительно современной эпохе, но, будучи предметом философской мысли в течение многих столетий, она обретает статус самостоятельной проблемы только в XX в.

Феномен одиночества является многомерным и рассматривается в философии в следующих аспектах [3, с. 109–115]: 1) одиночество-бездомность – неопределенность роли и смысла человеческого пребывания в мире; неприкаянность человека в бесконечности; отсутствие предустановленной гармонии человека с миром (Б. Паскаль, С. Кьеркегор, Ф. Ницше, М. Бубер, экзистенциалисты); 2) одиночество-неслиянность – изначально и неодолимая обособленность существования «Я» от других существований (феноменология, экзистенциализм); 3) одиночество-ответственность – «обреченность» каждого человека на самостоятельный выбор образа действия, невозможность переложить ответственность за свой выбор на другого (Ж.-П. Сартр, экзистенциализм); 4) одиночество-уединение – добровольное избегание контактов с другими людьми, преследующее цель сосредоточиться на каком-то деле, предмете, самом себе (Г. Торо, трансцендентализм).

Наиболее влиятельная философская позиция основывается на констатации онтологической заданности одиночества в подлинно человеческом бытии, его неизбывности и «непоправимости». Такое понимание лежит в основе философской антропологии и экзистенциализма, представляющих одиночество как имманентное, без акцента на оценочность, состояние индивида, связывая его с отсутствием predetermined сущности человека, следовательно, с перманентной ситуацией выбора, совершаемого в одиночку [4, с. 97–103].

С позиций экзистенциализма одиночество связано с самим существованием человека, является продуктом структуры «человек-мир», то есть неизменным, постоянным свойством человека. Вычленение субъектного Я, рождение самости означало разрыв природного континуума, иноположение субъекта по отношению к внешнему миру. Человеческая самость, таким образом, стала одной из сторон метаопозиции Я-Другое. Современная философия в своей диалогической версии придает Другому статус базового образования, без которого невозможны идеи «коммуникативного существования»: «со-бытие с Другим» Ж.-П. Сартра, «бытие-с» М. Хайдеггера, «бытие-друг-с-другом» Л. Бинсвангера, «Я – это Другой» Ж. Лакана и др. Другой

необходим для того, чтобы целостно постичь все структуры своего бытия, бытие-для-себя отсылает к бытию-для-Другого, и Я обнаруживает себя как одинокого только вступая в отношения с Другим [6].

Сам факт такого неослабного внимания к теме одиночества, во-первых, характеризует его как константу мироощущения человека, а во-вторых, указывает на то, что одиночество выражает специфику человеческого существования и составляет важнейшую характеристику человеческого бытия. Из приведенного нами, безусловно, неполного обзора видно, что подходы, взгляды и понимания одиночества (как явления и феномена) множественны и во многом противоречивы. Очевидно, что одиночество – «вопрос, не имеющий однозначного решения», то есть практическая, научная и философская «проблема» [12, с. 201].

Одиночество само по себе как отделённость, выделенность субъекта объективно и не представляет проблемы. Трагедия одиночества в том, что оно переживается не только как осознанная онтологически заданная оппозиция «Я-Другое», но и как непреодолимый импульс к снятию данной оппозиции; как драматическое противоречие между конечностью физического существования и возможностями человека и бесконечностью его притязаний, стремления к осознанию своих границ и к выходу за эти границы, потребности в утверждении самости и идентификации с какой-либо общностью. В таком случае, в силу противоречивых интенций, одиночество предстает как проблема конкретного субъекта и человечества в целом. То есть, одиночество как страдание осознанной непричастности возникает тогда и оттого, что вместе с отделением от «другого», вычленением из целого субъект сохраняет стремление к снятию этой первичной оппозиции, партиципации, воссоединению с целым, восполнению себя до целого – мира или общности. И в данном смысле одиночество предстает как проблема подлинная, поскольку она причиняет страдание, требует выбора между ценностными альтернативами, от которого невозможно уклониться и который нельзя никому делегировать, а возможность ее разрешения связана с трансцендированием субъекта [2, с. 19].

Итак, определив одиночество как подлинную проблему и следуя системно-мыследеятельностному подходу Г. Щедровицкого, «надо перестать смотреть на объект и его исследовать, а обратиться к средствам своего анализа, видоизменить и трансформировать понятия» [12, с. 201]. Подобный пересмотр требует формиро-

вания специфической исследовательской позиции, сочетающей возможности различных гносеологических стратегий, и методологии исследования, предполагающей синтез различных дискурсивных практик.

Обращение к феноменологическому методу (Г. Гадамер, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер) имеет целью выявление сущностного ядра феномена одиночества в аморфной совокупности явлений одиночества, обнаруженных и истолкованных обыденным сознанием и эмпирическими науками.

Применение системно-структурного подхода, включенного в СМД-методологию (системно-мыследеятельностный подход Г. Щедровицкого) [11, с. 364], позволяет согласовать достижения вненаучного, частонаучного и философского знания (которые, соответственно, рассматривают одиночество как видимость, явление и феномен), а также использовать методологические преимущества при рассмотрении одиночества и связанных с ним концептов и категорий и как структуры, и как процесса.

Подходом, адекватным для исследования экзистенциально-социальной природы одиночества, следует признать психоаналитический метод. Так, драматический конфликт между двумя модусами существования человека – общностью и одиночеством, а также неоднозначность смысловых значений одиночества в контексте человеческого существования могут быть поняты через классическую психоаналитическую метатеорию (З. Фрейд). Одиночество же как страдание осознанной непричастности – следствие со-бытия с Другим (Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер, Л. Бинсвангер), и потому оно является исключительной возможностью сингулярного «расщепленного» (нецелостного) субъекта, модель понимания которого предлагает структурный психоанализ Ж. Лакана.

Ставя вопрос о способе существования одинокого субъекта, философия придаёт одиночеству онтологический статус, причем «человек одинок дважды»: феномен одиночества возникает из онтологической отделённости человека от мира и субъекта – от Другого. Онтологический статус одиночества воплощается в следующих модусах: 1) оно имеет феноменальную природу, поскольку предполагает субъекта, которым оно переживается и осознается; 2) это комплексное состояние, предполагающее переживание, понимание и рефлексию; 3) одиночество может быть описано как интенциональное отношение (сознание одинокого субъекта направлено, с одной стороны, на себя и представлено как внутренний опыт переживания

собственной отдельности, с другой стороны, на Другого) [6]. Такой способ мыслить одиночество, по сути, является следствием Dasein-аналитического подхода (М. Хайдеггер), поскольку, делая предметом своего мышления собственное одиночество, субъект предстает как сущее, которое обладает способностью вопрошать о бытии, реализует свою сокровенную способность понимать бытие вообще.

Герменевтическая методология (В. Гумбольдт, В. Дильтей, М. Хайдеггер, Г.-Г. Гадамер) обеспечивает изучение многообразных интерпретаций феномена одиночества приемами не понятийного, но понимающего мышления.

Онтологическая герменевтика как рефлексия перечисленных подходов порождена проблемой понимания как такового (его причин, критерия и смысла) и «ставит вопрос об авторской инстанции понимания как онтологической его предпосылке» [2, с. 123], то есть открывает возможность истолкования субъекта как автора своего одиночества посредством его «произведения» [2, с. 160].

Кооперация перечисленных подходов и систем (в частности в отношении одиночества) может быть реализована посредством идентификации проблемы и постановки задачи в рамках проблемно-символического подхода (И. Винов, В. Стрига). Проблемно-символический подход «рассматривает любую проблемную ситуацию: 1) из перспективы онтологической герменевтики, 2) в экзистенциальном пределе самой возможности субъекта мыслить проблемную ситуацию из самой проблемы, 3) в регистре символического мышления как дефицит символического порядка и возможность прояснения онтологического законодательства» [2, с. 124–126].

Признание онтологического статуса феномена одиночества, понимание его как подлинной проблемы человека и анализ через проблемно-символический подход означает отказ от традиционной формулировки проблемы одиночества как проблемы его преодоления, на наш взгляд, ошибочной и бесперспективной, и открывает возможность рассмотрения его в качестве условия становления человека.

Таким образом, из изложенного выше можем сделать следующие **выводы**:

1. Противоречие между пониманием одиночества как объективного и онтологически неустраимого модуса существования и трактовкой его как психологической проблемы частного существования отражает несогласованность теоретического и эмпирического знания об одиночестве.

2. Одиночество может быть рассмотрено на трех уровнях бытия: на онтическом – как проявление (эмпирическая психология), онтико-онтологическом (теоретические науки) – как явление, онтологическом (философии) – как феномен.

3. В психологии, в силу практически однозначной оценки одиночества как явления негативного, являющегося и фактором деструкции (в отношении и психики, и социального порядка), и её признаком, проблематизация разворачивается в пространстве рекомендаций по его преодолению.

4. В философии наиболее полное понимание одиночества как многомерного феномена основано на констатации онтологической заданности одиночества в подлинно человеческом бытии, его неизбывности и «непоправимости».

5. Понимание одиночества как подлинной проблемы человека (в отличие от видимости, явления и феномена одиночества) требует сочетания возможностей различных гносеологических стратегий и синтеза различных дискурсивных практик.

6. Адекватными подходами, проясняющими феномен одиночества, являются феноменологический метод, системно-мыследеятельностный подход, классический и структурный психоанализ, Dasein-аналитика и онтологическая герменевтика, кооперация которых реализуется в рамках проблемно-символического подхода (И.Е. Винов, В.В. Стрига).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бердяев Н.А. Философия свободного духа / Н.А. Бердяев. – М. : Республика, 1994. – 480 с.
2. Винов И.Е. Онтологический статус символической функции: от гуманитарных наук и психодинамической терапии – к онтологической герменевтике и проблемно-символической методологии / И.Е. Винов. – К. : Випол, 2015. – 233 с.
3. Демидов А.Б. Феномены человеческого бытия / А.Б. Демидов. – Минск : ЗАО Издательский центр «Экономпресс», 1999. – 180 с.
4. Денисова Т.Ю. Одиночество как экзистенциально-социальный феномен : дисс. ... канд. филос. наук : спец. 09.00.11 / Т.Ю. Денисова. – Новосибирск, 2008. – 197 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.dslib.net/soc-filosofia/odinochestvo-kak-jekzistencialno-socialnyj-fenomen.html>.
5. Долгинова О.Б. Изучение одиночества как психологического феномена / О.Б. Долгинова // Прикладная психология. – 2000. – № 4. – С. 28–36.
6. Корнющенко-Ермолаева Н.С. Онтологический статус одиночества: опыт феноменологического описания / Н.С. Корнющенко-Ермолаева // Известия Томского политехнического университета. – 2011. – Т. 319. – № 6. – С. 110–116. – [Электронный ресурс]. – Режим

доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/ontologicheskiiy-status-odinochestva-opyt-fenomenologicheskogo-opisaniya>.

7. Корчагина С.Г. Генезис, виды и проявления одиночества / С.Г. Корчагина. – М. : МПСИ, 2005. – 196 с.

8. Корчагина С.Г. Психология одиночества : [учебное пособие] / С.Г. Корчагина. – М. : МПСИ, 2008. – 228 с.

9. Тихонов Г.М. Феномен одиночества: экзистенциальный аспект / Г.М. Тихонов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2013. – № 1 (27) : в 2 ч. –

Ч. I. – С. 183–186. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.gramota.net/materials/3/2013/1-1/47.html.

10. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер : пер. с нем. В.В. Бибихина. – СПб. : Наука, 2006. – 452 с.

11. Щедровицкий Г.П. Мышление. Понимание. Рефлексия / Г.П. Щедровицкий. – М. : Наследие ММК, 2005. – 800 с.

12. Щедровицкий Г.П. Путеводитель по методологии организации, руководства и управления : [хрестоматия] / Г.П. Щедровицкий – М. : Дело, 2003. – 474 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3344>.